

Азбука **Голоса**

Другие книги
серии
«АЗБУКА.ГОЛОСА»

Валерий Шпякин
0,5

Владимир Березин
СНТ

Анна Линская
КАФЕ СМЕРТИ

Екатерина Какурина
МАРКЕТОЛОГ ОТ БОГА

Марина Чуфистова
ЙАЛКА

Александр Касаверде
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ КИТЫ

Владимир Шинкарев
МАКСИМ И ФЕДОР

Владимир Березин
УРАНОТИПИЯ

Сергей Гандлевский
ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА | НРЗБ

Андрей Волос
ОБЛАКА ПЕРЕМЕН

Владимир Березин
СВИДЕТЕЛЬ

Роман Шмараков
КНИГА СКВОРЦОВ

Надежда Лидваль
ДЕНЬ ГОРОДА

Марина Чуфистова
ДЕНЬ, КОГДА БОГА НЕ СТАЛО

Сергей Медведев
ВТОРОЙ

Андрей Волос

Царь
Дарман

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 68

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Орехова

Волос А.

В 68 Царь Дариан : роман / Андрей Волос. —
СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 224 с. —
(Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-27497-6

Начало 1990-х, Душанбе. Молодой филолог, сотрудник Академии наук, страстно влюбляется в девушку из таджикской патриархальной семьи, дочь не последнего человека в Таджикистане. Предчувствие скорой гражданской войны побуждает ее отца согласиться на брак, но с некоторыми условиями. Счастливые молодожены отбывают в Москву, а главный герой в последний момент получает от своего друга неожиданный подарок — книгу, точнее, рукопись о царе Дариане.

Счастье длилось недолго, и в минуту самого черного отчаяния герой вспоминает о подарке. История многогосударственного царя Дариана и история переписчика Афанасия Патрина накладываются на историю главного героя — три сюжетные линии, разделенные столетиями, вдруг переплетаются, превращаясь в удивительное полифоническое полотно. «Царь Дариан» — роман о том, что во все эпохи люди испытывают одни и те же чувства, мечтают об одном и том же. Это роман об отчаянии и утешении, поиске и обретении, о времени, которое действительно способно исцелять.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© А. Г. Волос, 2025

© Оформление.

ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27497-6

*Зиё Абдулло — замечательному поэту
и моему давнему другу*

ГЛАВА 1

1

Вы пока больше не наливайте, у меня и без того уже язык заплетается.

Кстати, в школе мы, бывало, выпивали на задворках мастерской, и наш Некрасов так нахваливал тогдашний портвейн: от него заплетык языкается. Ха-ха, довольно филологично, не правда ли. Язык и впрямь всегда готов извернуться самым неожиданным образом. Вы, возможно, скажете, что, судя по всему, Некрасов обладал недюжинным чувством юмора. Но на самом деле чувством юмора там и не пахло, ведь если попугай талдычит «Пиастры! Пиастры!», он это не из-за своего чувства юмора делает, вот и Некрасов также. Наш Некрасов был первостатейный идиот — и не больше, его как-то на уроке химии учитель спросил, что такое алюминий, он, подумав, ответил: «Железо».

Да ну, бросьте, я вовсе не пытаюсь судить о людях по таким мелочам, ну не понимал он разницы между железом и алюминием, да

плевать, мало ли кто чего не понимает, был бы, как говорится, человек хороший. Так что дело не в алюминии, далеко не в алюминии. Этот Некрасов вожжался с другим таким же умником, Ориф его звали, что ли, не то Олим, тоже здоровый лоб, только у Некрасова морда была лошадиная, вдобавок еще и сутул, как верблюд, а подельничек просто писанный красавец — высокий, стройный, лицо чистое, нос с горбинкой, ни дать ни взять согдиец, только ухмылка его немного портила.

Ну и вот, я же говорю, дело не в алюминии, если б они только алюминий с железом путали, им обоим следовало бы из чистого золота памятники поставить. Но, кроме этого, они как-то раз шатались в районе Зеленого базара... вы ведь знаете, что такое Зеленый базар? Нет? Ой, жалко, замечательное, я вам скажу, было место. Капуста, картошка, арбузы, да вообще все, что твоей душеньке угодно, знай только денежки отслюнявливай. А с той стороны, где мебельный, для таджиков две чайханы, а для русских — россыпь мелких шалманов, море разлитое голубых дунаев, пивных, распивочных, рюмочных, что там еще бывает, блевантин, чуть ли не скажем капернаулов пир на весь мир, Лукулл в гостях у Лукулла, здесь пирожки в масле дымятся, там самбуса¹ из тан-

¹ Самбуса (*тадж.*) — треугольный пирожок с луком и мясом. — *Здесь и далее примечания автора.*

дыра, рядом шашлык, чад, вонь, все, разумеется, мухами засиженное, жара ведь несусветная, культур-мультиур в совершенном обмороке.

Я сказал — для русских; нет, на самом деле преимущественно для русских, поскольку таджики хоть по долгу жизни и мусульмане, но тоже, бывало, в тех местах охулки на руку не клали, несмотря на то что это, скорее всего, решительно препятствовало, увы, возможности их будущего переселения туда, где сень струй и не базарные курвы, а гурии.

Ну и вот, мои друзья однажды забрели в некое тихое местечко — вроде, скажем, подвала одного из жилых домов на Лахути. На Лахути, если помните... ах, вы не помните... ну, не важно, на Лахути стояли трехэтажные дома незапамятных годов постройки, сороковых или пятидесятых, довольно корявые, зато способные противостоять катастрофическим землетрясениям, так что, может, и сейчас стоят, если только во время очередного все-таки не развалились.

Так или иначе, в том углу мои соученики обнаружили существо женского пола: особу из тех, что довольствовались в забегаловках Зеленого базара опивками. Спала она там в каких-то ссанных тряпках пьяная. А может, они и нарочно рыскали, надеясь на романтическую встречу такого

рода, вот встреча и случилась. Обрадованные подельники для начала в меру своего детского понимания барышней мирно пользовались — кстати говоря, может, она даже и не особо кочевряжилась, может, наоборот, ей приятно стало, что такие молодые ребята на нее обратили внимание, а Ориф, говорю же, вообще был как с картинки. Но, получив свое, они подобрали какую-то валявшуюся неподалеку арматуру или, скажем, водопроводную трубу и зачем-то нанизали свою недавнюю возлюбленную на эту ржавую железяку, словно бабочку. Только бабочку протыкают с грудины, это все знают, у Набокова неоднократно описано, а они пользовались иным методом. Могу вообразить, что дама выступала категорически против такого продолжения забавы, но ребята были крепкие, сладить с ними она никак не могла...

Дурацкая история, не знаю, зачем начал. Никакого отношения к делу она не имеет, я просто хочу сказать, что такие болваны, как мои однокашники, и безоружными-то вели себя хуже зверей, а уж когда дорвались до автоматов... Нет, ну правда, я и теперь не понимаю, зачем им нужно было это делать. Вернее, теперь-то, после всего того, что началось через несколько лет, я, как минимум, прозреваю, я, по крайней мере, что ли, подзреваю, что за люди живут в этом мире. Од-

нако в любом случае назвать мои смутные ощущения пониманием никак нельзя, ибо понять — это значит привыкнуть, а привыкнуть — значит простить.

В общем, это я немного отвлекся. Что же касается того, с чего начал, то наше знакомство с Баюшкой — так в конце концов я стал ее звать, а на самом деле по рождению она была Мухиба — произошло при довольно странных обстоятельствах. То есть опять не так, неверно сказано, знакомство случилось самым обыкновенным образом, как всегда знакомятся мужчины и женщины: учатся вместе, или ходят в одну спортивную секцию, или каблук сломался, или просто на вечеринке, или еще где. Главное, чтобы там, где они столкнулись, их, как говорится, пронзила стрела Купидона.

Я уже года четыре работал в институте, когда она устроилась по распределению. То есть вполне заурядная встреча, рядовая случайность, каких миллионы и миллионы, миллиарды и миллиарды. Но вот предпосылки ее были не вполне ординарными.

Мухиба родилась в пригородном поселке Рухсор. Она выросла и даже одолела среднюю школу, где в соответствии с местным профилем учили не столько грамоте, сколько искусству собирать хлопок. Большинство девочек ожидало скорое замужество и последующая долгая страда на поприще чадо-

любия. Но Мухиба имела одно важное преимущество: ее отец, Шараф Мирхафизов, был председателем большого хлопководческого колхоза «Ба номи бисту дуоми Партсъезд», главной усадьбой которого и являлся кишлак Рухсор... как, вы не знаете? Ну, это очень просто: «Ба номи бисту дуоми Партсъезд» в переводе значит всего лишь «Имени двадцать второго Партсъезда».

Поэтому после окончания школы ее отправили в Душанбе на филфак. Тут объяснять нечего, все ясно как божий день: высшее образование всюду в цене, а уж там, где без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек, оно и вовсе на вес золота. При этом, разумеется, бумажка, сиречь диплом, вовсе не предполагает наличия соответствующих знаний. Во всяком случае, тогда было именно так. Думаю, и сейчас не поменялось: потому что в Азии все — ну или, осторожно скажу, почти все — непременно хотят быть начальниками. И не только в Азии. Да. Но в Азии сапоги — первое, что крадут. Простите, всплыло.

В университете работал дальний родственник славного Шарафа Мирхафизова, и Шараф Мирхафизов рассматривал его кандидатуру в качестве претендента на ответственный пост будущего зятя. То есть все должно было сложиться как нельзя лучше:

кандидат обеспечивает проходной балл, Мухиба учится, получает диплом — а там уж честной пирок да свадебка или, говоря понятными словами, туи калон, масштабом которого предстояло поразить не только весь Таджикистан, но и, возможно, сопредельные республики.

И все бы так и вышло, да только когда она уже готовилась к защите и одновременно к бракосочетанию, этот ее заведомо суженый, безрассудно увлекавшийся чем-то вроде любительского альпинизма, сорвался с обрыва в горах Дарваза, и вопрос замужества отпал сам собой.

Тогда отец добился, чтобы после защиты диплома ее распределили в институт филологии местной Академии наук.

Так мы и встретились: в один прекрасный день сталкиваюсь в коридоре с красавицей-незнакомкой. Худенькая, стройная, прелестное лицо с милыми генетическими следами монгольского нашествия, миндалевидные глаза, волосы смоляные, полумесяцем бровь, одета в европейское; ой, говорит серебряным голосочком, простите, я вас толкнула. Ну и что тут скажешь?

Правда, у меня тогда и мысли не могло возникнуть, что между нами завяжутся хотя бы даже самые платонические отношения, ведь запад есть запад, восток есть вос-

ток и так далее. А может, и могло, точно не скажу. Но штука в том, что за ней сразу принялся ухаживать Рустам Гафуров. Он работал в отделе редких рукописей. Отдел редких рукописей считался у нас элитным подразделением, чем-то вроде, скажем, дивизии «Эдельвейс». Там бытовали хорошие люди, с юмором и без фанаберии, как, впрочем, и во всем институте филологии, составлявшем, как мне временами казалось, гордость ТаджАН. Может быть, я ошибался. Всяк кулик свое болото хвалит.

Так или иначе, Рустам Гафуров был именно из них — тихий, вежливый, аккуратный. Худощавый, невысокий и смешливый, он мог бы сойти за подростка, если б не ранняя плешь на макушке. И еще нос у него смотрел немного на сторону. Лет в четырнадцать он гнал с горки мимо дверей детского сада на тяжелой машине ХВЗ — Харьковского велосипедного завода (я сам владел когда-то таким же неподъемным великом, и лично мне временами казалось, что он сварен из обрезков броневой стали), когда эта дверь распахнулась — вернее, отворилась, будто в страшном сне, в сказке, в замедленном кино — и оттуда вприпрыжку выбежала девочка. За ней спешила мама, только маму Рустам тогда не разглядел, потому что резко вывернул руль. Метра через четы-

ре по-прежнему стремительного, но направленного уже по другой траектории движения переднее колесо встретилось с пропастью глубокого бетонного арыка, а сам он вписался физиономией в бетонное же основание уличного водопроводного крана.

Это было большой удачей: не то, разумеется, что сломал нос, а что получил возможность тут же, на месте происшествия, полить его ледяной душанбинской водой. По его словам, кровь унялась лишь часа через полтора; думаю, он все же несколько преувеличивал.

Рустам любил рассказывать об этом давнем происшествии и всякий раз вздыхал: дескать, если бы его тут же отвели в травмпункт и поставили косточки на место, то и следов бы не осталось — никакой кривизны и эллипсов, все прямое, как у Евклида, — вот и жаль, мол, что ни у кого не дошли до мальчика руки. Однако по некоторым деталям его повествования у меня складывалось впечатление, что еще больше, чем о кривом носе, он сожалеет о погнувшейся при ударе вилке переднего колеса: с той поры велосипед сильно вело влево. Но он, разумеется, как-то приспособился и еще много лет на нем раскатывал.

В общем, мы частенько находили время просто поболтать или вместе пообедать, ведь

если оставить в стороне финансовую сторону дела, сравнительно свободная жизнь академического филолога предоставляет для этого немало возможностей. То есть что значит — пообедать. Была там одна забегаловка на проспекте Ленина, справа от президиума академии, туда все ходили, заведение, как и все тогда, казенное, однако дух витает где хочет, дышит где вздумается, и в этой столовке, не знаю уж благодаря чему, можно было вкусно и дешево поесть. В сухое время года — а оно в Душанбе почти всегда такое — столики выставляли на улицу. Ассортимент по-азиатски вековой: плов с непременною кашкой¹ шакароба, лагман, шурпа, к ним лепешка, зелень и чакка, то бишь кислое молоко, а то и манты. Наблюдая за тем, как повар-ошпаз, поместив на тарелку положенные три штуки, флегматично поплюхивает по ним окунутой в хлопковое масло тряпицей, я никогда не мог избавиться от мысли насчет того, от чего он ее оторвал.

Кстати говоря, иногда я столовался и в иных местах. Теперь и не вспомнить, на кой черт было подвергать организм столь безрассудным испытаниям, разве что молодость вообще не склонна себя щадить или

¹ Каса (*тадж.*) — большая пиала. Кашка — русский вариант уменьшительного таджикского слова.

смысл поговорки «от добра добра не ищут» понимаешь не вдруг. Так или иначе, время от времени меня заносило в одно заведение возле «Детского мира», почти напротив Северных ворот Зеленого. Здесь, в столовой № 4, чтобы насытиться тарелкой блеклого борща и биточками с картофельным пюре (биточки из хлеба, склеенного чем-то вроде комбижира, пюре синеватого оттенка и столь жидкое, что при желании его можно было бы пить), посетителю приходилось для начала спуститься на пол-этажа в полуподвал одного из тех самых домов на Лахути.

На кухне, отделенной от основного помещения низкой перегородкой, пылали печи, кипели кастрюли, шкворчали сковороды с упомянутыми биточками, пахло не то псиной, не то грязными тряпками, вулканический жар тек в зал и слоился зримым мавровом. Нельзя сказать, что здесь не проявляли заботу о посетителях: с целью создания комфортной обстановки надрывно выл вентилятор, двери не закрывались в надежде на сквозняк (хотя какого сквозняка можно было ждать в этой каменной коробке), и вообще все делалось, чтобы не усугубить, а, напротив, облегчить едокам сорокапятиградусную жару улицы. Тем не менее всякий визит туда был похож на то, как Орфей спускается в ад, — не в том смысле, что ты казался себе Орфеем, а в том, что это место опреде-

ленно представлялось адом. Проведя в столовой № 4 пятнадцать минут, ты возносился к свету и воздуху в том состоянии, когда не можешь толком понять даже то, поднимается ли вместе с тобой и тело.

2

Я встретил Мухибу в ту казавшуюся многообещающей пору, когда в глубинах земных кое-что начинало содрогаться: разумеется, это тоже были землетрясения, но они, в отличие от заурядных тектонических сдвигов, являлись отражением людских надежд на осуществление как чаяний, так и притязаний.

Как-то раз мы обедали с Рустамом в той самой столовке-кафешке, что неофициально называлась академической. Был октябрь; зной отступил до следующего года; чинары печально пламенели, а подчас на стол слетал сухой до хруста покоробленный лист. И запах, запах! — нигде не пахнет осень так, как в Душанбе: пряностями пересыпана листва под ногами.

Это было уже после нашей недолгой размолвки. Когда оказалось, что Мухиба более склонна проводить время со мной, чем с ним, между нами пробежала черная кошка. Даже случился однажды по этому поводу краткий,

но совершенно нелепый разговор. Начал его Рустам, я чувствовал неловкость, а толку не было и не могло быть, и я понял лишь, что он не на шутку страдает, — но чем я мог ему помочь. Потом мы не разговаривали и старались не встречаться, хоть это и трудно в тесноте маленького института, — ну просто сторонились друг друга, вот и все.

Примерно через месяц или, может быть, полтора под вечер он неожиданно заглянул в комнату и, молча помавая ладонью, выманил меня на улицу со столь серьезным и загадочным видом, что я, честно сказать, маленько струхнул: все, подумалось мне, сейчас зарежет.

И правда, Рустам шагнул ко мне так решительно, что не осталось сомнений насчет окончательности приговора, но, вместо того чтобы пырнуть ножом, он всего лишь обнял меня за плечи. «Ладно, — сказал он, — бараджон¹, прости, я понял, что был не очень прав, точнее, даже очень не прав. Это же стихия, это горный поток, это дикая река, она несет куда хочет, ничего сделать нельзя, если уж в нее попал, можно рассчитывать лишь на удачу: тебя или разобьет о камни, или, если повезет, вынесет на отмель. Тебе повезло, а мне нет. Забудем?»

¹ Устная контаминация двух таджикских слов — бародар (брат) и джон (милый, хороший, родной).

Теперь была осень, мы сидели под осыпающимися чинарами, Мухиба на пару дней уехала к родителям, у меня сердце щемило от любви, у него — не знаю. Если щемило, то от сожалений и одиночества.

Я поднялся, подошел к прилавку и взял еще по пятьдесят. В корявой алюминиевой миске горой лежала канибадамская редька, порубленная недоброй рукой ошпаза. Я машинально прихватил несколько кусочков.

— Да, — сказал Рустам, когда я поставил стаканы на стол. — Давай выпьем.

Мы выпили. Редька хрустела. Сочная была редька.

— А знаешь, — задумчиво и печально сказал Рустам, покручивая в пальцах пустой стакан. — Я бы знаешь что?.. Я бы взял вот так... — Он поднес его ко рту. — Взял бы вот так сердце каждого из них... и пил бы кровь... понемногу... по капельке!..

Губы его подрагивали.

Я пожал плечами. На самом деле из него самого выпили почти всю кровь. Что я мог сказать? Что жизнь разваливается не потому, что кто-то конкретно хочет ее развалить? Он и сам это знал. Даже, может быть, знал лучше меня.

— Сейчас они поубивают друг друга, перебьют половину страны в попытках отстоять справедливость...

АНДРЕЙ ГЕРМАНОВИЧ ВОЛОС
ЦАРЬ ДАРИАН

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ульяна Смирнова, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.03.2025.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 10,43. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru
Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-36585-01-R